

И. Н. Гемуев, Г. И. Пелих

СЕЛЬКУПСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО

В этнографической литературе существовало представление о селькупках, как исконных охотниках и рыбаках. Считалось, что в районе Нарыма они вообще не знали оленеводства, а та часть селькупов, которая переселилась в XVII в. в бассейны рек Таза и Турухана, заимствовала выючно-верховое оленеводство у лесных ненцев или лесных энцев¹, ее упряжное оленеводство не отличается от ненецкого. Между тем, в ряде работ высказывалось мнение, что предки самодийских народов, в том числе селькупы, были знакомы с оленеводством саянского типа, но это мнение не было подтверждено конкретным селькупским материалом². Первой точки зрения придерживался раньше и один из авторов настоящей работы³. Казалось, что для этого имелись достаточно серьезные основания. У селькупов в Нарыме переписями 1897, 1911 и 1926 гг. оленеводство не было зафиксировано. Кроме того, сведения о бытовании у них в прошлом оленеводческого хозяйства настолько фрагментарны, что не давали основания для какого-либо определенного вывода. Наконец в ведении современного оленеводства у северных селькупов и ненцев действительно много общего.

В настоящее время проблема селькупского оленеводства представляется нам значительно более сложной. В течение последнего десятилетия среди селькупов работало несколько этнографических⁴ и лингвистических⁵ экспедиций. Анализ собранных ими сведений, а также некоторых музейных и архивных материалов, не использовавшихся ранее

¹ Сб. «Народы Сибири», М., 1956, стр. 671. См также: Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 66; В. И. Васильев, Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXVII, 1962, стр. 73; «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР», М., 1960, стр. 329.

² С. И. Вайнштейн, Тувинцы Тоджи (историко-этнографический очерк), Автореферат канд. дис., М., 1956, стр. 7; его же, Проблемы происхождения оленеводства в Евразии, «Сов. этнография», 1970, № 6.

³ См.: Г. И. Пелих, Условия возникновения территориальной общины-юрты у селькупов Нарымского края, «Ученые записки Томского госпединститута», вып. XIV, 1955, стр. 255.

⁴ Среди селькупов Нарыма работа проводилась летом 1959, 1960, 1961 и 1963 гг. под руководством Г. И. Пелих. В 1969 г. селькупов Тыма исследовал И. Н. Гемуев. У северных селькупов в 1970 г. работал отряд этнографической экспедиции Томского госуниверситета (Г. И. Пелих, И. Н. Гемуев, С. А. Задворнов), а в 1971 г. — Тазовский этнографический отряд Комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Г. И. Пелих, И. Н. Гемуев, В. М. Мартемьянов).

⁵ Лингвистические исследования проводились под руководством А. П. Дульзона. Их результаты обобщены в «Картотеке топонимов Западной Сибири», хранящейся в Томском госпединституте.

этнографами, убеждает нас в целесообразности постановки вопроса о древней, исчезнувшей ныне форме селькупского оленеводства. Следы ее сохранились в быту как северной, так и южной группы селькупов. Рассмотрим характерные особенности оленеводства этих групп.

Оленеводство северных (тазовско-туруханских) селькупов. При изучении его мы встретились с рядом противоречивых черт. Например, в одном случае имеют место круглогодичная пастьба, доение важенок (*чекты*) и летние перекочевки, в другом — отпуск оленей на вольный выпас в тайгу сразу после отела и содержание их там вплоть до поздней осени. Выявились два различных типа оленьих сараев с дымокурами, два способа кастрации и т. д. Иными словами, у северных селькупов обнаружены две формы оленеводческого хозяйства.

Первая форма. В стаде были три примерно равные по количеству части: $\frac{2}{3}$ его составляли важенки (*чекты*), кастрированные быки (*хонтэ*) и $\frac{1}{3}$ — быки-производители (*хоры*), телята (*торне*) и другой молодняк, олени, предназначенные к убою (их старались не запрягать), а также «зареченные» олени (*козыль-эта*); т. е. посвященные какому-либо духу. В пос. Усть-Маковка нами была записана одна из церемоний такого посвящения⁶. Козыль-эта работали в упряжках вместе с другими оленями, но их нельзя было бить и убивать.

Во время зимних перекочевков в первые нарты запрягали трех оленей, в остальные — по два. «Сначала сам едет, потом она с ребятишками едет, потом вещи, чум везут. Остальные олени сами идут. Если старую важенку гонят, то молодые, все ее поколение, сами идут», — свидетельствуют информаторы⁷. Зимой оленей пасли в местах пушного промысла под присмотром женщин, подростков и стариков (охотники уходили в это время в тайгу за пушниной). Некоторым оленям надевали на ноги деревянные башмаки (*эта мукта лакка*), на шею старой важенки вешали колокольчик (*котл*). Для присмотра за оленями держали специальных собак («у кетов есть ездовые собаки, а у селькупов только охотничьи и оленьи»). Каждое хозяйство имело по крайней мере двух собак (промысловую и сторожевую)⁸. При гололеде и глубоком снеге оленей подкармливали рыбой, мясом забитых оленей, срезанными ветками.

Стельных важенок освобождали от работы с февраля, а в малооленных хозяйствах — с мая. Важенок старались подкармливать, особенно следили за ними весной во время отела («весной шибко трудно, когда телится. Она может бросить теленка. Тогда мать надо поймать, привязать»). Для обогрева оленят ставился чум, крытый берестой («тисковый» чум — *тельмат*). Оленят метили (*сеэколо*), прорезая углы ушей. Иногда в ухе прокалывалось отверстие, в которое протягивали цветные тряпочки и ремешки с кусочком медвежьей шкуры. Последний играл роль оберега («чтобы медведь не съел»).

После весеннего отела оленей отпускали в тайгу на вольный выпас. Забота о стаде в это время ограничивалась устройством каркасных сараев (*соргой*) с плетеными стенами, в которых летом укрывались от комаров и солнца (зимой сарай не использовался). Соргой — сооружение прямоугольной формы на столбах, соединенных сверху деревянной ра-

⁶ О сходном обряде посвящения упоминает Е. Д. Прокофьева, см. Е. Д. Прокофьева, Представления селькупских шаманов о мире, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР» (далее — «Сб. МАЭ»), т. XX, 1961, стр. 61.

⁷ Полевые записи авторов, 70-е годы. Все полевые материалы за 60-е годы хранятся в Архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета, а полевые материалы за 70-е годы — в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. В дальнейшем полевые записи даются в тексте без ссылок.

⁸ В. Алексеев, Современное хозяйство Баишенского остояка, «Советский Север», 1931, № 7—8, стр. 56.

Рис. 1. Олений сарай на берегу р. Язёвой — притока Турухана

мой с пазовым креплением и плоским перекрытием из жердей и еловой коры. Соргой имел лишь две стены, которые состояли из продольных перекладин, прибитых гвоздями к опорным столбам. Число последних зависело от длины соргоя. Продольные перекладины переплетались прутьями. У каждого из узких открытых концов соргоя устраивались один-два дымокура с конусообразным остовом из жердей над огнем, чтобы олени не обожглись.

В июле олени сами, спасаясь от комаров, собирались к дымокурам, а «после спада комара» уходили в тайгу. Сбор оленей проходил в основном в октябре и считался трудной мужской работой. В верховьях Турухана в 1941 г. поголовье сократилось более чем вдвое из-за того, что мужчины ушли на фронт, не успев собрать оленей. «Мы остались бабы одни, — рассказывает местная жительница М. Ф. Безруких, — оленей-то гонять надо, потеряются иначе олени. У каждой бабы по двадцать — пятьдесят оленей было... Половину оленей собрали. Остальные к диким ушли».

Осенью оленей сортировали. Для сортировки строили загон (*пуруль-коле*). В это время холостили лончаков. Оленя валили на землю, связывали ему ноги, затем два человека держали его, а третий кастрировал мягким некаленным ножом (*улу-пан*). Считалось, что от закаленного стального ножа (*пыльчит-пан*) «много крови будет».

С двух-трех лет оленей приучали к упряжке. Сначала оленя привязывали к дереву, потом надевали недоуздок, далее молодого оленя припрягали к хорошему вожаку («справа — ученый олень, слева — молоденький»), приучали к команде. Наконец, его запрягали в пустые нарты, привязанные сзади к «своей», ездовой нарте.

Недоуздок (*аккаль-олы*) состоит из двух налобных пластин (*хоткуль-лэ*) и двух нащечных пластин (*путылиль-лэ*). Они изготавливаются из кости или дерева и скрепляются ремнями: ремень, завязывающийся на затылке, называется *тотанель-кула*; подшейный ремень — *тетель-тымет* и ремень, соединяющий пластины налобника, — *хоткуль-тымет*. Ремни соединяются с помощью палочки на одном конце и петли на другом или связываются узлом. Вместо двух подшейных ремней иногда применяется один. В этом случае он продевается через отверстие нащечной пластинки и петлю в самом ремне, а узел завязывается после продевания через отверстие в другой нащечной пластине.

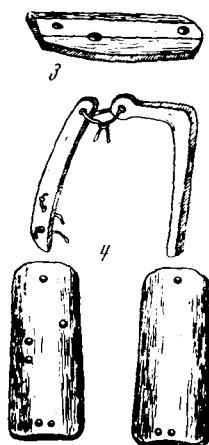
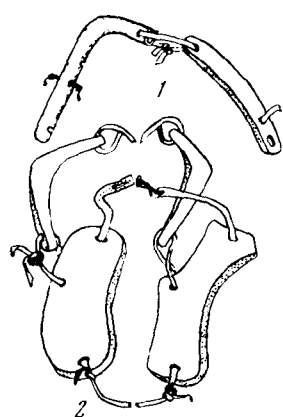

Рис. 2

Рис. 2. Оленьи недоузки: 1 — недоуздок возжевого (левого) оленя у северных селькупов; 2 — недоузки остальных (начиная со второго) оленей упряжки у северных селькупов; 3 — пластина верхового недоузка нарымских селькупов (Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета, инв. номер 2784); 4 — пластины верхового недоузка северных селькупов (пос. Сидоровск, район р. Таз)

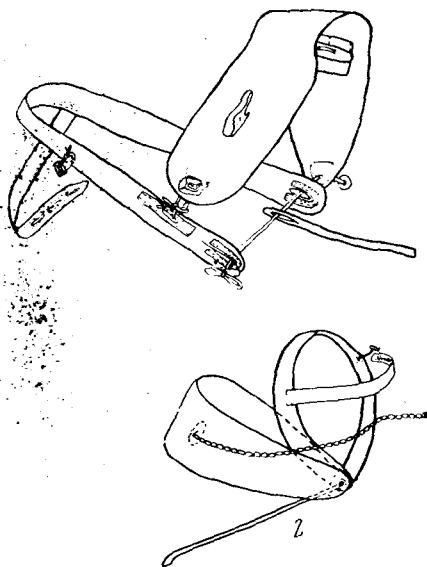

Рис. 3

Рис. 3. Способы оленьей упряжки северных селькупов: 1 — «юрацкий» (по определению селькупов); 2 — селькупский

Пояс (*куттыль-тымет*) соединяется с ляжкой (*нондель-тымет*) и потягом (*юнэ*) двумя способами. 1. С помощью ремня, который проходит от правого конца пояса через потяг к ляжке и пристегивается к ней с помощью палочки (*куль*). Левый конец пояса привязывается к ляжке ремешком. 2. Четыре конца (пояса и ляжки) и потяг скрепляются вместе под брюхом оленя. Сами селькупы считают, что более удобен первый («юрацкий») способ — при нем упряжь меньше трет брюхо. При любом варианте потяг проходит под брюхом оленя и между его задних ног. Подшейный ремень ляжки застегивается с помощью петли и крепится на палочку. На левой стороне пояса находится *холсы* — приспособление для укладки на него или продевания сквозь отверстие в нем (если олень «дурной») вожжи; холсы пришивается к поясу. К правой стороне пояса крепится цепью недоуздок правого оленя.

Соединение потяга с нартой блочное. Селькупы запрягают от одного до пяти оленей. Если запрягают трех-четырех оленей, то один или соответственно два челнока (*поллака*) переворачиваются в обратное положение. Пятый олень, припрягаемый к четырехоленной упряжке, челнока не имеет.

Селькупские нарты (*каглы*) подразделяются по назначению на грузовые и легковые, а последние в свою очередь — на мужские и женские. Грузовые селькупские нарты изготавливались косокопыльными с наклоном копыльев внутрь. Обычное число копыльев — шесть (по три с каждой стороны), соединение копыла с полозом (*катым*), нащепом (*каглы-моглы-по*) и вязками (*каглы-ор-по*) — пазовое. Вязки в копыльях дополнительно крепятся деревянными чеками (*пурт-по*). Передние утолщенные части полозьев соединены с помощью пазов тремя-четырьмя перекладинами. В передних концах полозьев просверлены отверстия

Рис. 4. Оленья грузовая нарта северных селькупов

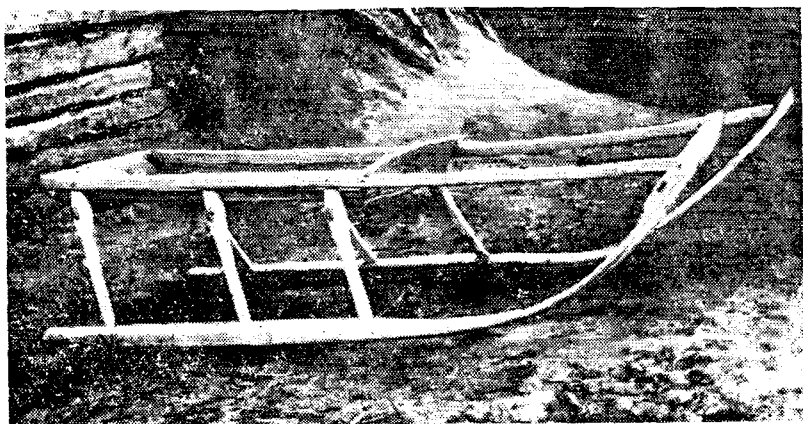

Рис. 5. Мужская нарта селькупов. Пос. Ратта, район р. Таз

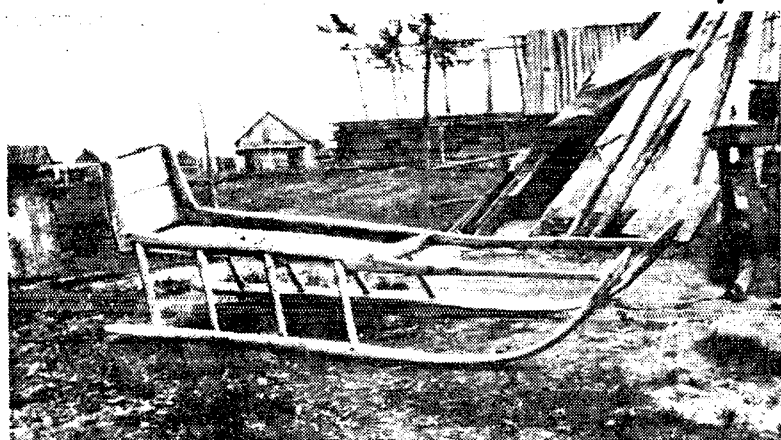

Рис. 6. Женская нарта селькупов, район р. Таз

(поллака-мю) для продевания ремней челноков. На вязки нарты устанавливался деревянный ящик.

Женская легковая нарта — восьмикопыльная (по четыре с каждой стороны), с наклонном копыльев назад и внутрь. Соединение копыльев с вязками, полозьями и нащепом — пазовое. Впереди полозья скрепляются с перекладиной также с помощью пазов. Сиденье представляет собой настил из досок, уложенных на вязки. Оно имеет спинку и упор для ног. Мужские нарты короче женских, у них нет спинки, иной способ крепления челноков. Ремни челноков женских нарт продеваются через перекладину, а мужских, кроме того, — в отверстие в конце полоза.

При езде садятся на нарту слева. Мужчины правую ногу подгибают под себя, а левая при необходимости служит тормозом. У женщин при езде ноги вытянуты и упираются в передок. Управление упряжкой производится с помощью вожжи и хорea (*няре-по*). Если нужно повернуть налево — дергают вожжу, направо — ударяют по ведущему (крайнему левому) оленю.

В оленеводстве северных селькупов и ненцев много общего. Оленьи нарты, их загрузка, упряжь, способы посадки почти одинаковы. Сами селькупы считают, что их современная оленья упряжь отличается от ненецкой лишь деталями:

1) у «юраков» упряжь соединяется свободно на ремнях, а у селькупов все концы упряжи наглухо скрепляются деревянными палочками-застежками, продетыми в прорези ремней;

2) налобные пластины недоуздка селькупы делают не только из кости (как «юраки»), но и из дерева;

3) ненецкий соединительный блок (*поллак*) имеет круглые отверстия, а у селькупов нижнее отверстие блока — сегментообразной формы («тогда ремни меньше стираются»).

Следует отметить, что железную цепь, соединяющую оленей одной упряжки, селькупы считают своим изобретением.

Итак, характерными особенностями первой формы оленеводства северных селькупов являются: вольный выпас в летнее время, оленьи сараи с дымокурами, использование собак, кастрация мягким некаленным ножом, «упряжная езда» в период зимнего охотничьего сезона.

Вторая форма. В этнографической литературе уже поднимался вопрос о наличии у северных селькупов и лесных ненцев выючно-верхового оленеводства, предшествовавшего упряжному⁹.

Хотя в 1970—1971 гг. мы не встретили выючно-верхового оленеводства, полевые материалы показывают, что еще «на памяти» современных селькупов здесь существовала иная (по сравнению с вышеописанной) форма оленеводческого хозяйства — селькупы держали домашних оленей. По словам информаторов, «вот уже тридцать лет таких оленей кончали».

Характерная особенность этой формы оленеводства — отсутствие вольного выпаса. В зимний период селькупы, державшие «домашних» оленей, жили более или менее оседло. Жилищем им служила бревенчатая избушка (*шимоля*). Ее строили всегда на берегу водоема (чаще большого озера), где имела возможность устойчивого подледного лова рыбы. Одна из таких заброшенных избушек была обследована нами на берегу Мамонтова озера (Кажарель-ту) в системе р. Маковки.

Район зимней рыбалки и зимнего жилища считался постоянным местом жительства данной семьи. Небольшая численность оленьего стада позволяла содержать его на близлежащих зимних пастбищах, а при

⁹ Г. Н. Прокофьев, Остяко-самоеды Туруханского края, «Этнография», 1928, № 2, стр. 100; Е. А. Алексеенко, Средства передвижения кетов, «Сибирский этнографический сборник», т. III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXIV, М.—Л., 1961, стр. 72; Л. В. Хомич, Оленьи нарты и упряжь у ненцев, «Сб. МАЭ», 1961, т. XX, стр. 33.

необходимости оленей подкармливали рыбой. Здесь оставались до веснего отела. «Где рыбачат — там постоянное место. Держат, пока все матки не отелятся». Затем грузили на оленей тисковый чум, имущество, необходимое летом, и перекочевывали на места летней рыбалки. «Верхами наши родители ездили на оленях», — рассказывает Б. Г. Тамелькин. — То на своем месте на Тазу живут у Лозыль-то (Чертово озеро), потом на Худосеее подъемную рыбу осенью ловят, а на зиму переезжают сюда, в район Баихи, богатый озерами, чтобы ловить зимой подледную рыбу, и весной во время нереста оставались здесь. А в августе уезжают снова туда (на Лозыль-то). Основное, что их заставляет, — рыба... На оленей особенно дети и пожилые садятся. На сухом месте встанут и пойдут, а на сыром — все на оленей сядились».

На время летней рыбалки объединялось несколько родственных семей («Свои в кучу соединялись. Обычно стоят пять-шесть, восемь чумов...»). Они вместе пасли оленей и строили *чунар* — коллективный олений сарай («В одно стадо объединяли оленей... Вместе сарай делали»). *Чунар* — срубное, прямоугольное в плане помещение с двускатной крышей, покрытой жердями и еловой корой. Сруб делали в угол, в чашку. По технике строительства чунар напоминает старинную селькупскую землянку *шимоля*. Селькупы подчеркивают, что чунар строился «как дом». В противоположных (узких) стенах чунара делали сквозные ворота («чтобы олени свободно заходили и выходили»). Олени находились в чунаре весь день, а вечером паслись в лесу. Земляной пол в чунаре забирался бревнами. Внизу под ними у стены выкапывалась яма, выходившая за пределы сарая (под откос) — «туда сбрасывали навоз от оленя. Дождем все смоем». В центре сарая также устраивалась небольшая яма, огороженная, чтобы олень не свалился, кольями, связанными вверху как остов чума. В яме разводили дымокур.

Постоянное содержание оленей без вольного выпаса давало возможность доить важенок во время летней рыбалки и при сезонных перекочевках. От важенки получали около 250 г молока. Оленьё молоко (*оттенима*) пили с чаем и ели с ягодой. Из него изготавливали «творог», смешивая для этого молоко с мелко нарезанной селезенкой. Кроме того, делали «сыр», для чего молоко долго кипятили и потом отжимали. Рассказывают, что порой молоко сбивали «как коровье масло». Иногда оленей забивали на мясо, но в основном использовали как выючный транспорт.

О выючно-верховом оленеводстве северных селькупов до сих пор было известно очень немного. Г. Н. Прокофьев отметил лишь его нетунгусский характер¹⁰. Им же было привезено от байшенских селькупов выючное седло (*paksat*), ныне хранящееся в Музее антропологии и этнографии¹¹. Это седло, по определению С. И. Вайнштейна, совпадает по конструкции с тувинскими и тофаларскими седлами¹². Надевалось оно оленю на спину (не на лопатки!). По рассказам информаторов, такие седла якобы и сейчас еще лежат кое у кого в амбарчиках на местах зимних стоянок.

В 1971 г. нами в числе других предметов оленеводческого инвентаря получены у тазовских селькупов и сданы в Музей при Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР выючная сума, верховое седло и недоуздки для верховой езды.

Выючная сума конструктивно и по внешнему виду напоминает эвенкийскую выючную суму. Основой ее служит каркас из бересты и дере-

¹⁰ Г. Н. Прокофьев, Указ. раб., стр. 100.

¹¹ Инв. номер 3871-9. См. также С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии, «Сов. этнография», 1970, № 6, стр. 12.

¹² С. И. Вайнштейн, О саянском типе оленеводства, КСИЭ, вып. XXIV, 1960, стр. 60.

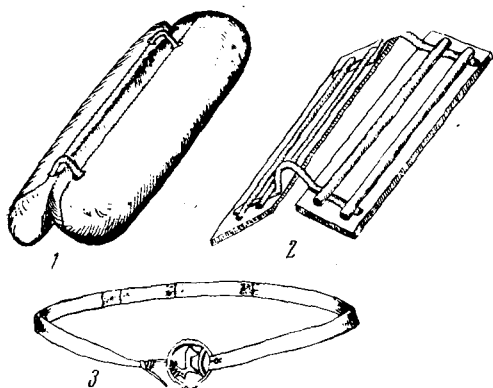

Рис. 7. Верховое оленьё седло: 1 — внешний вид седла; 2 — ленчик седла; 3 — ремень (с медной пряжкой) для крепления седла

ных березовых корней. К лукам прибиты гвоздями рейки (*коль-по*) по две с каждой стороны, длина реек соответствует длине полок.

Полки заключены в мешки, сшитые из оленьей шкуры мехом внутрь. Мешки плотно набиваются оленьей шерстью, после чего зашиваются. Готовое седло представляет собой две мягкие подушки, верху видны лишь концы луков. Все вышесказанное позволяет отнести это седло к саянскому типу седел. По внешнему виду оно несколько напоминает долганское мужское верховое седло¹³. Крепится седло широким ремнем (*чуты*), который надевается поверх седла и застегивается на левом боку оленя с помощью медной пряжки.

Недоуздук, применяемый селькупам для верховой езды, состоит из двух налобных (как говорят информаторы, «лицевых») пластин (*вындельбоомт* или *вындель-лэ*) и двух массивных нащечных пластин (*путыль-лемт* или *путыль-лэ*). Пластины изготавливаются из мамонтовой кости. Лицевые пластины (одна или обе) имеют Г-образную форму. Отверстия нащечных пластин и ремень, соединяющий «лицевые» пластины, иногда отделаны крашеными сыромятными ремешками¹⁴. В качестве верхового недоуздки порой используется и обычный *аккаль* с двумя пластинами, перевернутыми на другую сторону (посадка на оленя верхом в наблюдавшихся нами случаях осуществлялась справа, а не слева, как в нарты). Кастрируют оленей зубами («откусит, потом маленько мять будет. Летом не делали, жарко»).

Выявляются следующие характерные особенности второй формы оленеводческого хозяйства северных селькупов: оленей содержали на круглосуточной пастбище без вольного выпаса, пастушеские собаки не использовались; строили большие срубные сараи с дымокурами; кастрировали оленей зубами; важенков доили. Иногда оленей забивали на мясо, но главным образом использовали их в качестве вьючно-транспортного средства.

Таким образом, перед нами две самостоятельные формы ведения оленеводческого хозяйства, при этом одна из них (вьючное оленеводство) почти исчезла, а вторая (упряжное оленеводство) была заимствована тазовско-туруханскими селькупам у своих северных соседей — ненцев.

Оленеводство нарымских селькупов. В фольклоре и погребальном обряде нарымских селькупов отражены некоторые черты оленеводческо-

ванных палочек; нижняя половина сумы обшита *камусом* (шкурой с ног оленя), а верхняя — *ровдугой* (выделанной оленьей шкурой — замшей). Сверху пришита полоса черной материи, стянутая шнурком. Сума украшена вышивкой. Называют ее селькупы так же, как и седло, — *паксат*.

Селькупское верховое седло не имеет ни подгрудного, ни подхвостного ремней, ни стремени. Ленчик седла состоит из двух полок (*тонде-по*), изготовленных из ели и соединенных с луками (*поксан-тангит*) гвоздями. Луки низкие, сделанные из двух специально подобранных

¹³ См. «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961, стр. 22—23, табл. 6, 1, 2; табл. 8, 1.

¹⁴ Аналогичные недоуздки встречаются у эвенков (см. Там же, стр. 41).

го быта. Так, в селькупских сказках из брошенной на болото шерсти вырастают стада оленей. Рассказы о военном поражении заканчиваются словами: «Только оленья шерсть на реке осталась. Людей всех перебили и утонули люди». Селькупские шаманы, рассердившись на людей, «убивают» у них «табуны оленей с помощью невидимого духа». Считается, что шаман может перенести с человека болезнь или даже смерть «на оленя или другую домашнюю скотину», и т. д. По старинному погребальному ритуалу, селькупы душили над могилами двух или четырех оленей. Их прислоняли в полусидячей позе к деревьям (по два у каждого) головами в ту же сторону, что и покойный. В несколько видоизмененной форме этот обряд до сих пор сохраняется у северных селькупов. Оленеводство упоминается также во многих бытовых рассказах. Кроме того, отдельные свидетельства о нем можно найти в литературе XIX в.¹⁵ Все это позволяет предполагать знакомство селькупов с домашним оленем. Кроме того, наличие у селькупов оленеводства еще в первые десятилетия XX в. подтверждается и архивными документами.

В 20-е годы в Нарыме работали различные комиссии, отчеты которых содержат любопытные детали по интересующему нас вопросу. Так, в материалах по обследованию р. Тыма сообщается, что «в юрте Кочевро остяк Карлыгин (ему сейчас 93 года.— И. Г. и Г. П.) имел до восьмидесяти штук оленей. Но это было еще до семнадцатого года»¹⁶. В «Протоколе междудеиништенного совещания при Томском комитете Севера» сказано: «Переписью 1910—1911 гг. оленеводство и оленеводы не учтены в Нарымском крае. Между тем по экспертным данным лиц, знающих край и работающих на местах, можно заключить, что оленеводство в Нарымском крае имеется в ряде районов». Дальше отмечается наличие оленеводства у тунгусов и остяков и принимается решение «признать первоочередной задачей проведение рекогносцировочного обследования оленеводов и оленеводства... тунгусов и остяков в районе рек Кети, Тыма и Пайдуги»¹⁷. Следовательно, до революции небольшие группы селькупов в глухих районах края продолжали заниматься оленеводством. В силу своей малочисленности и кочевого образа жизни они не были зафиксированы переписями конца XIX — начала XX в. Судя по всему, уже в то время оленеводство было исчезающей формой хозяйственной деятельности. В XX в. оно вообще перестало существовать.

Для нас представляет интерес выяснение характера традиционной формы ведения оленеводческого хозяйства.

Обратимся к оленеводческой терминологии. Для удобства оленеводческие термины нами сведены в таблицу, составленную по данным вышеупомянутой картотеки А. П. Дульзона, селькупским словарям (М. А. Кастрена и И. Ердели) и материалам этнографических экспедиций Томского университета.

Исследователи разных лет отметили в лексиконе селькупов слова, означающие как различные категории оленей (дикий, ездовой, кастри-

¹⁵ М. А. Кастрен записал у остяков-самоедов Нарыма разработанную оленеводческую терминологию (см. М. А. Castren, Samojedische Wörterverzeichnisse, St.-Pet., 1855). Отмеченный М. А. Кастреном селькупский термин *ин* в значении «олень» делает понятным сообщение А. Ф. Плотникова о том, что название остяцких юрт *Инкино* происходит от слова *Ин-ка* (оленья река), см. А. Ф. Плотников, Нарымский край, СПб., 1901, стр. 205. Н. Костров в статье «Нарымские остяки» пишет: «Между аборигенами-инородцами много настоящих кочевников, живущих в чумах, бродящих со стадами оленей» («Томские губернские ведомости», 1867, № 40). И. В. Завалишин отмечает, что остякам в Нарыме по рекам Васюгану и Оби «в пределах губернии гораздо привольнее жить, нежели их сородичам на Крайнем Севере. У них кроме оленей есть и рогатый скот» (И. В. Завалишин, Описание Западной Сибири, т. II — Томская губерния, М., 1865, стр. 28).

¹⁶ Томский областной партийный архив, ф. 206, оп. 1, д. 380, л. 67.

¹⁷ Томский областной государственный архив, ф. 470, оп. 1, д. 3, л. 26—27.

Селькупские оленеводческие терминология*

Южные (нарымские) селькупы	Северные (тазовско-туруханские) селькупы	Значение термина
ate (E-99)	ātā (E-24)	олень
yn (E-106)	—	»
Nun-ate (C-140)	—	дикий олень
сувай-аде; сум-аде	чекты (Э-1970)	важенка
(K-XXVII, 44)	čēkti (E-236)	»
aem (K-XXVI, 447)	toṇnak (E-275)	теленек
attare (K-VII, 15)	торне (Э-1970)	»
korai-āti (C-119)	qorī (E-78)	самец, некастрированный олень
kopai-age (K-XXVII, 44)	—	»
kopte-hyḡ (C-120)	qopti (E-78)	кастрированный олень
—	хоптэ (Э-1970)	»
tagit (E-145)	—	»
апальджин (Э-69)	козыл-эта (Э-1970)	священный олень
—	отте нима (Э-1970)	оленье молоко
—	pīma (E-154)	»
аккаль (Э-69)	аккаль-олы (Э-1970)	недоуздок
—	путылиль-лэ (Э-1970)	нащечные пластины
—	хоткуль-лэ (Э-1970)	налобные пластины
—	хоткуль-тымет (Э-1970)	ремень, связ. налобные пластины
—	тетель-тымет (Э-1970)	подшейный ремень
—	тотанель-кула (Э-1970)	затылочный ремень
—	куль (Э-1970)	палочка, соединяющая ремни
kū, со (C-127)	kū, cū (E-242)	гояс
—	ku (E-108)	упряжь
—	kūḡol ak (C-122)	запрягать
—	sāḡigo, sari (E-202)	»
—	ātā sārīmpa (E-202)	запряженный олень
u:ūp (C-110)	—	ремень
адет юна (Э-69)	юнэ (Э-1970)	потяг, повод
—	нондель-тымет (Э-1970)	пояс
—	поллак (Э-1970)	блок
—	холсы (Э-1970)	воздержатель
—	козель-тымет (Э-1970)	цепь
чуре, тюр (Э-61)	няре-по (Э-1970)	хорей
тюре (Э-70)	пача-по (Э-1970)	»
паксан (K-VIII, 611)	паксат (Э-1970)	седло
коптрозугу (K-VII, 71)	—	кастрировать
коптангу (K-IV, 435)	—	»
квен понгу (K-XXII, 576)	ота ихать (Э-1970)	ехать верхом
éčau (C-102)	āttiqo (E-25)	пасти, стеречь
atauau (C-99)	ātātānzau (C-99)	ловить оленя
ealdot (C-104)	сезколо (Э-1970)	метить оленя
—	ānilti (E-22)	»
—	quḡli (E-57)	оленья нарта
—	qaglitḡigo (E-57)	ездить на нарте
—	keri (E-90)	аргиш
—	kērīnirgo (E-90)	кочевать
čuni (C-138)	čunag (E-241)	хлев, сарай
aran (C-98)	пуруль-коле (Э-1970)	загон
—	соргой (Э-1970)	сарай
—	up (E-284)	пастбище
—	upil (E-284)	свободный, незапряженный

* Таблица составлена по данным работ: M. A. Castren, Samojedsche Worterverzeichnisse, St.-Pet., 1855; I. Erdelyi, Selkupisches Wortverzeichnis, Budapest, 1969; «Картотека топонимов Западной Сибири» (см. примеч. 5). Используются также материалы этнографических экспедиций Томского госуниверситета.

В таблице приняты следующие условные обозначения: C — Castren, E — Erdelyi, K — «Картотека...», Э — материалы этнографических экспедиций.

рованный, хор, важенка, теленок и т. д.), так и связанные с оленеводством постройки и различный инвентарь, а также термины, отражающие действия по уходу за оленями. Судя по языковым данным, селькупы пасли оленей, строили для них сарай, кастрировали, метили. Они пользовались недоуздом, поводом и седлом. Характерно, что ни М. А. Кастрен, ни томские лингвисты не смогли записать у нарымских селькупов термины, отражающие упряжное оленеводство. В селькупской лексике не зафиксированы слова для обозначения оленьих нарт, упряжи и действий, связанных с ездой на оленях. В то же время термины такого рода хорошо известны селькупам северной группы. В быту нарымских селькупов они появились лишь в период кратковременного возрождения оленеводства в 1940—1950 гг. и были зафиксированы нами в 1969 г. Но эти термины заимствованы либо из русского языка (*адет-выишиа* — оленья вожжа), либо из терминологии, связанной с ручной нарттой и ее инвентарем (*канжа* — ручная нарта, *юнэ* — потяг, *чу* или *ку* — лямка).

О распространении в прошлом оленеводства в Нарыме есть ряд устных свидетельств. Селькупы обычно говорят, что оленей держали их отцы и деды. Рассказы такого рода записаны как у селькупов, так и у русских старожилов, которым также приходилось встречаться с «остяками-олeneводцами». Например, С. Е. Пшеничникова из поселка Кольджи рассказывает, что в тайге жили «остяки с оленями». Они «на оленях работают, доят их. Они не в избах живут, а в каких-то кожей обтянутых чумах. Огонь разложат, мясо в золу прямо кладут, хлеб в золе пекут». По словам селькупки В. Т. Мулиной, «олений разводили на мясо и чтобы на охоту ездить». А. В. Портнягин говорит: «С оленями кочевали и зимой и летом. Зимой на оленях ездили в тайгу охотиться». По рассказам большей части информаторов, «селькупы нартами на оленях раньше не ездили».

С оленями кочевали «по борам», так как они питались в основном «белым мхом». На Тыму, например, с оленьими стадами «ходили» в районе юрт¹⁸ Кулеевых, Ванжель-кынак, Кыгель-карамо, Компас, Кочевых. На них ездили на охоту и рыбалку и перевозили выюки с имуществом. Летом строили оленьи сараи (*чуни*) и загоны (*аран*), ставили дымокуры с загородками, чтобы олени «сильно на дым не лезли».

Судя по устным свидетельствам, нарымским селькупам было известно вьючно-транспортное оленеводство с доением, кастрацией и устройством сараев с дымокурами (пастушеская собака никем не упоминается). Таким образом, устные сообщения совпадают с данными оленеводческой терминологии.

Нам известны также некоторые предметы селькупского оленеводческого инвентаря. В Колпашевском краеведческом музее хранится вьючное оленьё седло¹⁹. Оно состоит из двух деревянных полок (длина 50 см, ширина 12 см, толщина 2,5—3 см) с утолщениями на верхней стороне в местах прикрепления лук. Высота лук — 14,5 см. Они прикреплены к полкам с помощью ремешков, продетых в просверленные отверстия. Седло не имеет обшивки. По форме оно напоминает вьючное оленьё седло саянского типа²⁰.

Нам известны также селькупские вьючные сумы. Такая сума была найдена во время экспедиции 1963 г. на р. Кеть, в юртах Зубрековых на чердаке заброшенного селькупского дома. Это мягкая сума из оленьей шкуры (мехом вверх) на широком кожаном ремне с завязками.

И седло и сума характерны для вьючно-транспортного оленеводства. Но нарымские селькупы знали и сложный недоуздок с костяными пластинами из оленьей или мамонтовой кости. В Колпашевском краеведче-

¹⁸ Слово «юрта» употребляется в значении «поселок».

¹⁹ Колпашевский краеведческий музей, инв. номер 593.

²⁰ «Историко-этнографический атлас Сибири», табл. V, 3. стр. 47.

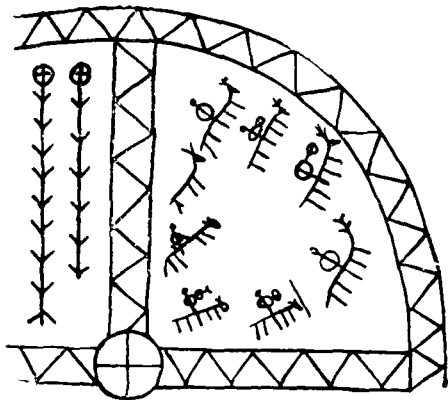

Рис. 8. Фрагмент изображений на шаманском бубне; прорисовка (Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета, инв. номер 2647)

ском музее имеется, согласно инвентарной книге, «вожжа оленья акель»²¹, которая была приобретена в заготпункте Верхне-кетского сельсовета. Это сложный недоуздок с двумя пластинами из оленьих костей, одна из которых загнута под прямым углом. В каждой пластине просверлены по два отверстия. Недоуздок из Колпашевского музея идентичен описанному выше недоуздку (*аккаль*) северных селькупов. Вместе с ним под тем же инвентарным номером хранится еще одна изогнутая пластинка от второго недоуздка. Отличительной особенностью последней является насеченный с обеих сторон крестообразный орнамент.

Детали оленьих недоузdkов хранятся также в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета. Они получены «у остяков» в XIX в.²². Это четыре пластины из мамонтовой кости. Две из них — заготовки, а две — законченные пластины сложного оленьего недоуздка, рассчитанного на крупного оленя. Все четыре пластины очень массивны (длина 14 см, ширина 6 см, толщина 1 см). По форме они напоминают нащечные пластины оленьих недоузdkов у северных селькупов. В пластинах просверлено по три отверстия. Как известно, сложный недоуздок с костяными пластинами «применяется только в нартяной упряжке»²³. Поэтому наличие его у нарымских селькупов не вполне согласуется с традиционными представлениями о выючно-транспортном оленеводстве.

В Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета имеется шаманский бубен с изображением всадников на оленях²⁴. Этот бубен записан в инвентарной книге вместе с вещами, взятыми «у остяков» из села Тымского. По форме он напоминает бубен из Минусинской котловины, но такие же бубны имелись у селькупов Тыма и Оби. Один из них, полностью совпадающий по форме с бубном, хранящимся в университетском музее, принадлежал известному шаману Тыма Елисею Карлыгину, и после смерти последнего был передан в Колпашевский краеведческий музей. Интересующие нас рисунки на бубне представляют собой сложную композицию из фигур белых и черных всадников, вооруженных луками и стрелами. Белые всадники едут впереди. За ними снизу поднимаются черные всадники. Всего можно различить 19 белых и 19 черных всадников. В данном случае особый интерес представляет следующая деталь: все белые всадники изображены верхом на оленях, а все черные — на лошадях. Несмотря на стилизацию изображений, эти отличия видны совершенно четко. У оленей отчетливо изображены рога, длинные шеи, очень короткие хвосты и какая-то особая настороженность. У лошадей видны уши, длинные хвосты, опущенные вниз головы, уздечки. Рисунки на шаманском бубне как будто свидетельствуют о наличии у нарымских селькупов верхового оленеводства, но это свидетельство единично. Не совсем ясно и происхождение бубна.

²¹ Колпашевский краеведческий музей, инв. номер 1082.

²² Музей археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета, инв. номер 2784.

²³ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 22.

²⁴ Музей археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета, инв. номер 2647.

Оставляя пока открытым вопрос о верховой езде, мы определяем селькупское оленеводство в Нарыме по характеру использования оленей как выючно-транспортное. Для него были характерны круглогодичная пастьба без пастушеской собаки, устройство загонов и сараев с дымокурами, доение, кастрация. Оленеводы пользовались мягкими выючными сумами, а также выючным седлом и сложным недоуздом саянского типа. Мы не можем пока выяснить время и причины появления сложного недоуздка при выючно-транспортном оленеводстве, но наличие его — специфическая особенность оленеводства как южных, так и северных селькупов. По всем остальным признакам оленеводство нарымских селькупов относится к выючно-транспортному оленеводству саянского типа.

* * *

Таким образом, и нарымским и тазовско-туруханским селькупам были известны в прошлом сходные формы таежного выючного оленеводства саянского типа. Приведенная таблица оленеводческой терминологии показывает, что селькупы сохранили сходные термины для обозначения явлений, связанных с выючным оленеводством. Кроме того, олень в погребальном ритуале и мифологии северных и южных селькупов играет сходную роль. В то же время ни верховое седло, ни термины, связанные с упряжным оленеводством, не имеют южных параллелей.

Общая картина развития селькупского оленеводства представляется нам в следующем виде: предки современных селькупов были знакомы с выючно-транспортным оленеводством саянского типа. Возможно, они принесли его в Нарым из более южных мест. При этом им было, видимо, известно выючное седло, но неизвестно верховое (к такому же выводу относительно предков современных самодийских народов приходит С. И. Вайнштейн)²⁵. В Нарыме в результате приспособления селькупов к изменившимся экологическим условиям вырабатывались свои формы оленеводческой традиции, которая до настоящего времени проявляется в быту как южной, так и северной группы селькупов. Переселившись в XVII в. в бассейны рек Таза и Турухана, селькупы сохранили традиции выючно-транспортного оленеводства и заимствовали верховое седло у соседних народов. Позже северные селькупы заимствовали у ненцев упряжное оленеводство. В Нарыме упряжное оленеводство в середине XX в. тоже начинало развиваться, но вскоре оно исчезло. Вопрос о наличии у селькупов собственных традиций верхового оленеводства и о некоторых деталях ведения оленеводческого хозяйства, еще окончательно не выяснен. Это задача дальнейших исследований.

²⁵ С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии стр. 14.